

Алексей Николаевич Апухтин

Избранное

Алексей Николаевич Апухтин

Избранное

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22208355

Избранное:

Аннотация

«...О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный,
Миг невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Расстаться не хотят с тобой...»

Содержание

Стихотворения	6
К родине	6
Жизнь («О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный...»)	8
Песня	9
Цветок	10
Два поэта	12
Старая дорога	14
«Ты спишь, дитя, а я встаю...»	16
Тоска	18
Поэт	20
Скажи, зачем?	22
Первый снег	24
Эпаминонд	27
Зимой	30
Подражание арабскому	31
Голгофа	34
Май в Петербурге	36
Ночью	38
Уженье	39
Предчувствие	41
Вечер	42
Облака	43

Близость осени	45
Отъезд	46
Сиротка	47
Няня	50
Шарманщик	53
Петербургская ночь («Длинные улицы блещут огнями...»)	55
К славянофилам	58
Деревенский вечер	59
Жизнь («Песня туманная, песня далекая...»)	61
Шарманка	63
Апрельские мечты	66
На Неве вечером	68
Дорогой	69
Ожидание грозы	71
«Еду я ночью. Темно и угрюмо...»	73
Осенняя примета	75
Пловцы	77
Ночь	79
Ответ анониму	81
Божий мир	82
После бала	85
В альбом («В воспоминанье о поэте...»)	87
«Напрасно в час печали непонятной...»	88
22 марта 1857 года	90
«О, удались навек, тяжелый дух сомненья...»	92

«Опять я очнулся с природой!..»	93
Подражание древним («В грезах сладострастных видел я тебя...»)	94
Русские песни	96
Первая любовь	98
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Алексей Николаевич Апухтин Избранное Стихотворения

К родине

Далёко от тебя, о родина святая,
Уж целый год я жил в краях страны чужой
И часто о тебе грустил, вспоминая
Покой и счастье, минувшее с тобой.
И вот в стране зимы, болот, снегов глубоких,
Где, так же одинок, и я печально жил,
Я сохранил в душе остаток чувств высоких,
К тебе всю прежнюю любовь я сохранил.
Теперь опять увижусь я с тобою,
В моей груди вновь запылает кровь,
Я примирюсь с своей судьбою,
И явится мне вдохновенье вновь!
Уж близко, близко... Всё смотрю я вдаль,
С волнением чего-то ожидаю

И с каждою тропинкой вспоминаю
То радость смутную, то тихую печаль.
И вспоминаю я свои былые годы,
Как мирно здесь и счастливо я жил,
Как улыбался я всем красотам природы
И в дебрях с эхом говорил.
Уж скоро, скоро... Лошади бегут,
Ямщик летит, вполголос напевая,
И через несколько минут
Увижу я тебя, о родина святая!

15 июня 1853

Павлодар

Жизнь («О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный...»)

О жизнь! Ты миг, но миг прекрасный,
Миг невозвратный, дорогой;
Равно счастливый и несчастный
Расстаться не хотят с тобой.

Ты миг, но данный нам от Бога
Не для того, чтобы роптать
На свой удел, свою дорогу
И дар бесценный проклинать.

Но чтобы жизнью наслаждаться,
Но чтобы ею дорожить,
Перед судьбой не преклоняться,
Молиться, веровать, любить.

10 августа 1853

Орел

Песня

Ах! Зачем тебя,
Полевой цветок,
Житель вольных мест,
С поля сорвали,
В душной комнате
Напоказ людям
Тебя бросили?
Не пахнёт в тебя
Запах сладостный
Золотой весны,
Не увидишь ты
Солнца летнего,
И не будешь ты
С дрожью радости
Слушать осени
Бурю грозную...
День пройдет, другой...
Где краса твоя?
Смотришь – за окном
Уж былиночка.

3 мая 1854

Санкт-Петербург

Цветок

Река бежит, река шумит,
Гордась волною серебристой,
И над волной, блестя красой,
Плывет цветок душистый.
«Зачем, цветок, тебя увлек
Поток волны красою?
Взгляни, уж мгла везде легла
Над пышною рекою;
Вот и луна, осенена
Таинственным мерцаньем,
Над бездной вод средь звезд плывет
С трепещущим сияньем...
Прогонит день ночную тень,
От сна воспрянут люди,
И станет мать детей ласкать
У жаркой, сонной груди,
И божий мир, как счастья пир,
Предстанет пред тобою...
А ты летишь и не томишь
Себя кручиной злою,
Что, может быть, тебе уж жить
Недолго остается
И что с волной цветок иной
Беспечен понесется!»
Река шумит и быстро мчит

Цветок наш за собою,
И, как во сне, припав к волне,
Он плачет над волною.

29 июня 1854

Павлодар

Два поэта

Блажен, блажен поэт, который цепи света
На прелесть дум и чувств свободных не менял:
Ему высокое название поэта
Дарит толпа с венком восторженных похвал.
И золото бежит к избраннику фортуны
За гимн невежеству, порокам и страстям.
Но холодно звучат тогда поэта струны,
Над жертвою его нечистый фимиам...
И, насладившись богатством и чинами,
Заснет он наконец навеки средь могил,
И слава кончится похвальными стихами
Того, кто сам толпу бессмысленно хвалил.

Но если он поймет свое предназначенье,
И станет с лирою он мыслить и страдать,
И дивной силою святого вдохновенья
Порок смеющийся стихом начнет карать, —
То пусть не ждет себе сердечного привета
Толпы бессмысленной, холодной и глухой...
И горько потечет земная жизнь поэта,
Но не погаснет огонь в курильнице святой.
Умрет... И кое-где проснутся сожаленья...
Но только внук, греха не видя за собой,
Смеясь над предками, с улыбкою презренья,
Почтит могучий стих холодной похвалой...

Июль 1854

Павлодар

Старая дорога

Я еду. На небе высоко
Плывет уж бледная луна,
И от селенья недалеко
Дорога старая видна.
И по дороге неизбитой
Звонки проезжих не гудят,
И лишь таинственно ракиты
По сторонам ее стоят,
И из-за них глядят уныло
Уж полусгнившие столбы
Да одинокая могила
Без упования и мольбы.
И крест святынею своею
Могила той не сторожит,
Лишь, наклонившись над нею,
Угрюмо шепчет ряд раки.
И есть в окрестности преданье,
Что на могиле страшной той
Пресек свое существованье
Один страдалец молодой.
Однажды в ночь сюда пришел он
И имя Бога не призвал,
Но, адских мук и страсти полон,
Он в грудь вонзил себе кинжал.
И неотпетая могила

Дана преступника костям.
В ней песня слышалась уныло,
И тень являлась по ночам.
Всегда с боязнью и тревогой
Крестьянин мимо проходил, —
И скоро новую дорогу
Труд человека проложил...

10 августа 1854

Москва

«Ты спишь, дитя, а я встаю...»

Ты спишь, дитя, а я встаю,
Чтоб слезы лить в немой печали,
Но на твоём лице оставить не дерзали
Страдания печать ужасную свою.
По-прежнему улыбка молодая
Цветет на розовых устах,
И детский смех, мой ропот прерывая,
Нередко слышится в давно глухих стенах!
Полуоткрыты глазки голубые,
Плечо и грудь обнажены,
И наподобие волны
Играют кудри золотые...
О, если бы ты знал, младенец милый мой,
С какой тоскою сердце бьется,
Когда к моей груди прильнешь ты головой
И звонкий поцелуй щеки моей коснется!
Воспоминанья давят грудь...
Как нежно обнимал отец тебя порою!
И верь, уж год как нет его с тобою.
Ах, если б вместе с ним в гробу и мне заснуть!..
Заснуть?.. А ты, ребенок милый,
Как в мире жить ты будешь без меня?
Нет, нет! Я не хочу безвременной могилы:
Пусть буду мучиться, страдать!.. Но для тебя!
И не понять тебе моих страданий,

Еще ты жизни не видал,
Не видел горьких испытаний
И мимолетной радости не знал.
Когда ж, значения слезы не понимая,
В моих глазах ее заметишь ты.
Склоняется ко мне головка молодая,
И предо мной встают знакомые черты...
Спи, ангел, спи, неведеньем счастливый
Всех радостей и горестей земных:
Сон беспокойный, нечестивый
Да не коснется вежд твоих.
Но божий ангел светозарный
К тебе с небес да низойдет
И гимн молитвы благодарной
К престолу божью наутро отнесет.

5 сентября 1854

Санкт-Петербург

Тоска

Вижу ли ночи светило приветное
Или денницы прекрасной блистание,
В сердце ласкаю мечту безответную,
Грустную думу земного страдания...

Пусть бы сошла к нам уж ночь та угрюмая
Или бы солнце на небе сокрылось,
Ропот сердечный унял бы я, думая:
Так что и счастье мое закатилось...

Так же, как мир ночью мрачной, безмолвной,
Сердце оделось черною тучею,
Но, как назло мне, величия полные,
Шепчутся звезды с волною кипучею...

Невыразимая, невыносимая
Давит тоска мою душу пустынную...
Где же ты, прелесть мечтаний любимая?
Люди сгубили тебя, неповинную.

Завистью черной, насмешкой жестокою
Ожесточили они сердце нежное
И растерзали навек одинокую
Душу страдальца рукою небрежною.

10 сентября 1854

Поэт

Взгляните на него, поэта наших дней.

Лежащего во прахе пред толпою:

Она – кумир его, и ей

Поет он гимн, венчанный похвалою.

Толпа сказала: «Не дерзай

Гласить нам истину холодными устами!

Не нужно правды нам, скорее расточай

Запасы льстивых слов пред нами».

И он в душе оледенил

Огонь вскипающего чувства

И тот огонь священный заменил

Одною ржавчиной искусства;

Он безрассудно пренебрег

Души высокое стремленье

И дерзко произнес, низверженный пророк,

Слова упрека и сомненья;

Воспел порочный пир палат,

Презренья к жизни дух бесплодный,

Приличьем скрашенный разврат,

И гордость мелкую, и эгоизм холодный...

Взгляните: вот и кончил он,

И, золото схватив дрожащею рукою,

Бежит поэт к бесславному покою,

Как раб трудами изнурен!

Таков ли был питомец Феба,

Когда, святого чувства полн,
Он пел красу родного неба,
И шум лесов, и ярость волн;
Когда в простых и сладких звуках
Творцу миров он гимны пел?
Их слушал раб в тяжелых муках,
Пред ними варвар цепенел!
Поэт не требовал награды –
Не для толпы он песнь слагал:
Он покидал, свободный, грады,
В дубравы тихие бежал,
И там, где горы возвышались,
В свободной, дикой стороне
Поэта песни раздавались
В ненарушимой тишине.

29 сентября 1854

Скажи, зачем?

Скажи, певец, когда порою
Стоишь над тихою Невою
Ты ясным вечером, когда
Глядят лучи светила золотые
В последний раз на воды голубые,
Скажи, зачем безмолвствуешь тогда?

Певец! Когда час ночи мирный
Слетает с высоты эфирной
Сменить тяжелый день труда
И блещет небо яркими звездами,
Не вдохновен высокими мечтами
(Скажи, зачем безмолвствуешь тогда?)

А вот и празднует столица:
Народ по стогнам веселится,
Везде гудят колокола...
А в храмах Бога тихое моление,
И певчих глас, и ладана куренье...
(Скажи, зачем безмолвствуешь тогда?)

Не оттого ль, что эти звуки
В тебе пробудят сердца муки,
Как радость в прежние года,
Что, может быть, природы увяданье

Милей, чем блеск, души твоей страданию, –
Не оттого ль безмолвствуешь тогда?

20 ноября 1854

Первый снег

О снега первого нежданное явление,
Приветствую тебя в моем уединенье!
Уединенье? Да! Среди толпы людей
Я так же одинок, как ландыш, из полей
Родных отторженный суровою рукою;
Среди прекрасных роз поник он головою,
И в рощу мирную из мраморных палат
Его желания свободные летят.
Приветствую тебя! Неведомою силой
Ты в смутной памяти бывшее оживило,
Мечтанья прошлых дней той юности златой,
Как утро зимнее, прекрасной и живой!
Картин знакомый ряд встает передо мною:
Я вижу небеса, подернутые мглою,
И скатерть снежную на сглаженных полях,
И крыши белые, и иней на дровах;
Вдали чернеет лес. С сиянием Авроры
По окнам разослал мороз свои узоры;
Там, за деревьями, роскошно и светло
Блестит замерзлых вод прозрачное стекло;
Там курится дымок над кровлями овинов...
В соседней комнате я слышу треск каминов,
К ним истопник бредет и шум своих шагов
Разносит за собой с тяжелой ношей дров.
С какою радостью живой, нелицемерной.

Бывало, я встречал тебя, предвестник верный
Зимы... Как я любил и сон ее снегов,
И длинную семью прекрасных вечеров!
Как часто, вокруг стола собравшись семьею,
Мы проводили их в беседах меж собою,
И ласки нежные иль звонкий смех порой
Сменяли чтение обычной чередой.
Я помню длинный зал, вечернею порою
Его перебегал я детскою стопою,
И часто пред окном, как будто бы сквозь сон,
Я становился вдруг, испуган, поражен,
А прелесть дивная морозной, зимней ночи
Манила и звала встревоженные очи...
Светила чудные сияли в вышине
И, улыбаяся, смотрели в душу мне;
Чистейшим серебром поля вдали сияли,
Леса пустынные недвижимо стояли;
Всё спало... Лишь мороз под окнами трещал...
И жутко было мне, и к няне я бежал.
Я помню комнатку... Пред образом горела
Лампада тусклая; старушка там сидела...
И сладок был мне звук ее речей простых,
Любовью дышащих... Увы! не слышу их
Среди надутых фраз да слов бездушных ныне:
Уж третью зиму я встречаю на чужбине,
Далеко от нее, от родины святой,
Не с шумной радостью, но с холодной тоской,
И сердце сжалось... но в холоде страданий
Ты возбудил во мне толпу воспоминаний,

Ты годы юности внезапно оживил,
И я тебя в душе за то благословил...
О, взвейся, легкий снег, над родиною дальною
Чтоб поселянин мог, природы сын печальный,
Скорей плоды трудов по зимнему пути
За плату скудную в продажу отвезти!

11 октября 1854

Эпаминонд

Когда на лаврах Мантинеи
Герой Эллады умирал
И сонм друзей, держа трофеи,
Страдальца ложе окружал, –
Мгновенный огонь одушевления
Взор потухавший озарил.
И так, со взором убежденья.
Он окружавшим говорил:
«Друзья, не плачьте надо мною!
Недолговечен наш удел.
Блажен, кто жизни суетою
Еще измерить не успел,
Но кто за честь отчизны милой
Ее вовеки не щадил,
Разил врага – и над могилой
Его незлобливо простил!
Да, я умру, и прах мой тленный
Пустынный вихорь разнесет,
Но счастье родины священной
Красою новой зацветет!»
Умолк... Друзья еще внимали...
И видел месяц золотой,
Как, наклонившись, рыдали
Они над урной роковой.
Но слава имени героя

Его потомству предала,
И этой славы, взятой с боя,
И смерть сама не отняла.

Пронзен ядром в пылу сраженья,
Корнилов мертв в гробу лежит...
Но всей Руси благословенье
И в мир иной за ним летит.
Еще при грозном Наварине
Он украшеньем флота был;
Поборник правды и святыни.
Врагов отечества громил
И Севастополь величавый
Надежней стен оберегал...
Но смерть поспорила со славой,
И верный сын России пал,
За славу, честь родного края,
Как древний грек, он гордо пал,
И, всё земное покидая,
Он имя родины призвал.
Но у бессмертия порога
Он, верой пламенной горя,
Как христианин – вспомнил Бога,
Как верноподданный – царя.
О, пусть же ангел светозарный
Твою могилу осенит
И гимн России благодарной
На ней немолчно зазвучит!

26 октября 1854

Зимой

Зима. Пахнул в лицо мне воздух чистый...
Уж сумерки повисли над землей,
Трещит мороз, и пылью серебристой
Ложится снег на гладкой мостовой.
Порой фонарь огнистой полосой
Мелькнет... Да звон на небе прогудит...
 Неугомонною толпою
 Народ по улицам спешит.

И грустно мне!
 И мысль моя далеко,
И вижу я отчизны край родной:
Угрюмый лес задумался глубоко,
И звезды мирно шепчутся с землей,
Лучи луны на инее трепещут,
И мерзлый пар летает от земли,
 А в окнах светятся и блещут
 Гостеприимные огни.

6 января 1855

Санкт-Петербург

Подражание арабскому

В Аравии знойной поныне живет
Усопшего Межде счастливый народ,
И мудры их старцы, и жены прекрасны,
И юношей сонмы гяурам ужасны,
Но как затмеваются звезды луной,
Так всех затмевал их Набек молодой.

Прекрасен он был, и могуч, и богат.
В степях Аравийских верблюдов и стад
Имел он в избытке, отраду Востока,
Но краше всех благ и даров от пророка
Его кобылица гнедая была –
Из пламени ада литая стрела.

Чтоб ей удивляться, из западных стран
К нему притекали толпы мусульман,
Язычник и рыцарь в железе и стали.
Поэты ей сладкие песни слагали,
И славный певец аравийских могил
Набеку такие слова говорил:

«Ты, солнца светлейший, богат не один,
Таких же, как ты, я богатств властелин;
От выси Синая до стен Абушера
Победой прославлено имя Дагера.

И, море святое увидя со скал,
На лиру певца я меч променял.

И вот я узрел кобылицу твою.
Я к ней пристрастился... и, раб твой, молю –
Отдай мне ее и минуты покою,
На что мне богатства? Они пред тобою...
Возьми их себе и владей ими век!»
Молчаньем суровым ответил Набек.

Вот едет Набек по равнинам пустынь
Аравии знойной... И видит – пред ним
Склоняется старец в одежде убогой:
«Аллах тебе в помощь и милость от Бога,
Набек милосердный». – «Ты знаешь меня?»
– «Твоей не узнать кобылицы нельзя».

«Ты беден?» – «Богатство меня не манит,
А голод терзает, и жажда томит
В пустыне бесследной, три дня и три ночи
Не ведали сна утомленные очи,
Из этой пустыни исторгни меня».
И слышит: «Садня ко мне на коня».

«И рад бы, о путник, да сил уже нет, –
Был дряхлого нищего слабый ответ. –
Но ты мне поможешь, во имя пророка!»
Слезает Набек во мгновение ока,
И нищий, поддержан могучей рукой,

Свободен, сидит уж на шее крутой.

И старца внезапно меняется вид,
Он с юной отвагой коня горячит.
И конь, распустивши широкую гриву,
В пустыне понесся, веселый, игривый;
Блеснули на солнце, исчезли в пыли!
Лишь имя Дагера звучало вдали!

Набек, пораженный как громом, стоит,
Не видит, не слышит и, мрачен, молчит,
Везде пред очами его кобылица,
А солнце пустыню палит без границы,
А весь он осыпан песком золотым,
А груды червонцев лежат перед ним.

3 февраля 1855

Санкт-Петербург

Голгофа

Распятый на кресте нечистыми руками,
Меж двух разбойников Сын божий умирал.
Кругом мучители нестройными толпами,
У ног рыдала мать; девятый час настал:
Он предал дух Отцу. И тьма объяла землю.
И гром гремел, и, гласу гнева внемля,
Евреи в страхе пали ниц...

И дрогнула земля, разверзлась тьма гробниц,
И мертвые, восстав, явились живыми...

А между тем в далеком Риме
Надменный временщик безумно пировал,
Стяжанием неправедным богатый,
И у ворот его палаты
Голодный нищий умирал.

А между тем софист, на догматы ученья
Все доводы ума напрасно истощив,
Под бременем неправд, под игом заблужденья,
Являлся в сонмищах уныл и молчалив.

Народ блуждал во тьме порока,
Неслись стенания с земли.
Всё ждало истины...

И скоро от Востока
Пришельцы новое ученье принесли.
И, старцы разумом и юные душою,
С молитвой пламенной, с крестом на раменах,

Они пришли – и пали в прах
Слепые мудрецы пред речию святою.

И нищий жизнь благословил,
И в запустении богатого обитель,
И в прахе идола, а в храмах Бога сил
Сияет на кресте голгофский Искупитель!

17 апреля 1855

Май в Петербурге

Месяц вешний, ты ли это?
Ты, предвестник близкий лета,
Месяц песен соловья?
Май ли, жалуясь украдкой,
Ревматизмом, лихорадкой
В лазарете встретил я?

Скучно! Вечер темный длится —
Словно зимний! Печь дымится,
Крупный дождь в окно стучит;
Все попрятались от стужи,
Только слышно, как чрез лужи
Сонный ванька дребезжит.

А в краю, где протекали
Без забот и без печали
Первой юности года,
Потухает луч заката
И зажглась во тьме богато
Ночи мирная звезда.

Вдоль околицы мелькая.
Поселян толпа густая
С поля тянется домой;
Зеленеет пышно нива,

И под липою стыдливо
Зреет ландыш молодой.

27 мая 1855

Ночью

Веет воздух чистый
Из туманной дали,
Нитью серебристой
Звезды засверкали,
Головой сосновой
Лес благоухает,
Ярко месяц новый
Над прудом сияет.
Спят среди покоя
Голубые воды,
Утомясь от зноя
В забытье природы.
Не колыхнет колос,
Лист не шевельнется,
Заунывный голос
Песни не прольется.

18 июня 1855

Павлодар

Ужение

Над водою склонялися липы густые,
Отражались в воде небеса голубые,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В величавой красе колебала река.

И так тихо кругом... Обаяния полны,
С берегами крутыми шепталися волны.
Говорливо журча... И меж них, одиноко,
Под лучами заката блестел поплавок.

Вот он дрогнул слегка, и опять предо мною
Неподвижно и прямо стоит над водою,
Вот опять в глубину неведимо скользит
Под немолчный и радостный смех nereид.

А в душе пролетает за думою дума...
О, как сладко вдали от житейского шума
Предаваться мечтам, их лелеять душой
И, природу любя, жить с ней жизнью одной.

Я мечтаю о многом, о детстве счастливом,
И вдруг вижу себя я ребенком игривым,
И, как прежде бывало, уж мыслю я
Обегаю дубравы, сады и поля.

Я мечтаю о том, когда слово науки
Заменило природы мне сладкие звуки...
И о многом, о чем так отрадно мечтать
И чего невозможно в словах рассказать.

А всё тихо кругом... Обаяния полны,
С крутизнами зелеными шепчутся волны,
И деревья и небо, волнуясь слегка,
В красоте величавой колеблет река.

29 июня 1855

Павлодар

Предчувствие

А. П. Апухтиной

Не знаю почему, но сердце замирает,
Не знаю почему, но вся душа дрожит,
Но сон очей моих усталых не смыкает,
Но ум мучительно над сердцем тяготит.

Я к ложу жаркому приникнул головою,
И, кажется, всю жизнь я выплакать готов...
И быстро предо мной проходят чередою
Все дрязги мелкие всех прожитых годов.

Я вспоминаю всё: надежды и сомненья,
Былые радости и горе прежних дней,
И в памяти моей, как черные виденья,
Мелькают образы знакомые людей...

А мысль о будущем, как червь, меня снедает,
Немого ужаса душа моя полна,
И тьма меня томит, и давит, и смущает,
И не дожидаться мне обманчивого сна.

1 июля 1855

Вечер

Окно отворено... Последний луч заката
Потух... Широкий путь лежит передо мной;
Вдали виднеются рассыпанные хаты;
Акации сплелись над спящею водой;
Всё стихло в глубине разросшегося сада...
Порой по небесам зарница пробежит;
Протяжный звук рогов скликает с поля стадо
И в чутком воздухе далеко дребезжит.
Яснее видит ум, свободней грудь трепещет,
И сердце, полное сомненья, гонит прочь...
О, скоро ли луна во тьме небес заблещет
И трепетно сойдет пленительная ночь!..

15 июля 1855

Облака

Н. П. Барышникову

Сверкает солнце жгучее,
В саду ни ветерка,
А по небу летучие
Проходят облака.
Я в час полудня знойного,
В томящий мертвый час
Волненья беспокойного
Люблю смотреть на вас.
Но в зное те ж холодные,
Без цели и следа,
Несётесь вы, свободные,
Неведомо куда.
Всё небо облетаете...
То хмуритесь порой,
То весело играете
На тверди голубой.
А в вечера росистые.
Когда, с закатом дня
Лилово-золотистые,
Глядите на меня!
Вы, цепью изумрудною
Носяся в вышине,
Какие думы чудные

Нашептывали мне!..
А ночью при сиянии
Чарующей луны
Стоите в обаянии,
Кругом озарены.
Когда всё, сном объятое,
Попряталось в тени,
Вы, светлые, крылатые,
Мелькаете одни!

3 августа 1855

Павлодар

Близость осени

Еще осенние туманы
Не скрыли рощи златотканой;
Еще и солнце иногда
На небе светит, и порою
Летают низко над землею
Унылых ласточек стада, —

Но листья желтыми коврами
Шумят уж грустно под ногами,
Сыреет пестрая земля;
Куда ни кинешь взор пытливый —
Встречает высохшие нивы
И обнаженные поля.

И долго ходишь в вечер длинный
Без цели в комнате пустынной...
Всё как-то пасмурно молчит —
Лишь бьется маятник докучный,
Да ветер свищет однозвучно,
Да дождь под окнами стучит.

14 августа 1855

Отъезд

Осенний ветер так уныло
В полях свистал,
Когда края отчизны милой
Я покидал.

Смотрели грустно сосны, ели
И небеса.
И как-то пасмурно шумели
Кругом леса.

И застилал туман чужую
Черту земли,
И кони на гору крутую
Едва везли.

26 августа 1855

Орел

Сиротка

На могиле твоей, ох родная моя,
Напролет всю ту ночь проплакала я.

И вот нынче в потемках опять,
Как в избе улеглись и на небе звезда
Загорелась, бегом я бежала сюда,
Чтоб меня не могли удержать.

Здесь, родная, частенько я вижусь с тобой,
И отсюда теперь (пусть приходят за мной!)

Ни за что не пойду... Для чего?
Я лежу в колыбельке... Так сладко над ней
Чей-то голос поет, что и сам соловей
Не напомним мне звуков его.

И родная так тихо ласкает меня...
Раз заснула она среди белого дня...

И чужие стояли кругом, –
На меня с сожаленьем смотрели они,
А когда меня к ней на руках поднесли,
Я рыдала, не зная о чем.

И одели ее, и сюда привезли.
И запели протяжно и глухо дьячки:
«Со святыми ее упокой!»
Я прижалась от страха... Не смела взглянуть...

И зарыли в могилу ее... И на грудь
Положили ей камень большой.

И потом воротились... С тех пор веселей
Уж никто не певал над постелью моей, —
Одинокой осталась я.

А что после, не помню... Нет, помню: в избе
Жил какой-то старик... Горевал о тебе,
Да бивал понапрасну меня.

Но потом и его уж не стало... Тогда
Я сироткой бездомной была названа, —
Я живу у чужих на беду:
И ругают меня, и в осенние дни,
Как на печках лежат и толкуют они,
За гусями я в поле иду.

Ох, родная! Могила твоя холодна...
Но людского участия теплее она —
Здесь могу я свободно дышать,
Здесь не люди стоят, а деревья одни,
И с усмешкою злой не смеются они,
Как начну о тебе тосковать.

Сиротою не будут гнушаться, как те,
Нет! Они будто стонут в ночной темноте...
Всё кругом будто плачет со мной:
И так пасмурно туча на небе висит,
И так жалобно ветер листьями шумит

Да поет мне про песни родной.

1 октября 1855

Няня

Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.
Как найдет кручина злая,
Не оплачешься от ней.
Посмотри-ка, я лампадку
Пред иконою зажгла,
Оглянись: в углу кроватка
И богата и светла.

Оглянись же: перед нами
Сладко спит младенец твой
С темно-синими глазами,
С светло-русой головой.
Не боится темной ночи:
Безмятежен сон его;
Смотрят ангельские очи
Прямо с неба на него.

Вот когда с него была ты,
От родимого села
В барский дом из дымной хаты
Я кормилицей вошла.
Всё на свете я забыла!
Изо всех одну любя,
И ласкала, и кормила,

И голубила тебя.

Подросла, моя родная...
С чистой, пламенной душой,
А красавица такая,
Что и не было другой.
Ни кручины, ни печали –
Как ребенок весела...
Женихи к тебе езжали:
За богатого пошла.

С тех-то пор веселья дума
И на ум к тебе нейдет;
Целый день сидишь угрюмо,
Ночи плачешь напролет.
Дорогая, золотая,
Не кручинься, не жалей...
Не тоскуй, моя родная.
Не слези твоих очей.

Глянь, как теплится лампадка
Пред иконой, посмотри,
Как наш ангел дремлет сладко
От зари и до зари.
Над постелькою рыдая,
Сна младенца не разбей...
Не тоскуй, моя родная,
Не слези твоих очей.

13 ноября 1855

Шарманщик

Темно и пасмурно... По улице пустой
Шарманщик, сгорбленный под гнетом тяжелой ноши,
Едва-едва бредет с поникшей головой...

И тонут, и скользят в грязи его калоши...

Кругом так скучно: серый небосклон,
Дома, покрытые туманной пеленою...
И песней жалобной, младенчески-простою
Шарманщик в забытье невольно погружен.

О чем он думает с улыбкою печальной?
Он видит, может быть, края отчизны дальней,
И солнце жгучее, и тишь своих морей,
И небо синее Италии своей...

Он видит вечный Рим. Там в рубище торговка
Сидит на площади, печальна и бледна;
Склонилась на грудь кудрявая головка,

Усталости томительной полна...

С ней рядом девочка... На Север, одиноки,

И день и ночь они глядят

И ждут его, шарманщика, назад
С мешками золота и с почестью высокой...
Природу чудную он видит: перед ним,
Лучами вешними взлелеян и храним,
Цветет зеленый мирт и желтый померанец...
Ветвями длинными сплелися кущи роз...

Под тихий говор сладких грез

Забылся бедный чужестранец!
Он видит уж себя среди своих полей...
Он слышит ласковых речей
Давно не слышанные звуки...
О нет, не их он слышит...
Крик босых ребят
Преследует шарманщика; горят
Окостеневшие и трепетные руки...
И мочит дождь его, и холодно ему,
И весь он изнемог под гнетом тяжкой ноши,
И, как назло владельцу своему,
И тонут, и скользят в грязи его калоши.
.....

26 ноября 1855

Санкт-Петербург

Петербургская ночь («Длинные улицы блещут огнями...»)

Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.
Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей.
Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей.
Точно волшебством каким-то объятый,
Воздух недвижим ночной...

Город прославленный, город богатый,
Я не прельщуся тобой.
Пусть твоя ночь в непробудном молчанье
И хороша и светла, —
Ты затаил в себе много страданья,
Много пороков и зла.
Пусть на тебя с высоты недоступной
Звезды приветно глядят —
Только и видят они твой преступный,
Твой закоснелый разврат.

В пышном чертоге, облитые светом,

Залы огнями горят.
Вот и невеста: роскошным букетом
Скрашен небрежный наряд,
Кудри волнами бегут золотые...
С ней поседелый жених.
Как-то неловко глядят молодые,
Холодом веет от них.

Плачет несчастная жертва расчета,
Плачет... Но как же ей быть?
Надо долги попечителя-мота
Этим замужством покрыть...
В грустном раздумье стоит, замирая,
Темных предчувствий полна...
Ей не на радость ты, ночь золотая!
Небо, и свет, и луна
Ей напевают печальные чувства...

Зимнего снега бледней,
Мается труженик бедный искусства
В комнатке грязной своей.
Болен, бедняк, исказило мученье
Юности светлой черты.
Он, не питая свое вдохновенье,
Не согревая мечты,
Смотрит на небо в волнении жадном,
Ищет луны золотой...
Нет! Он прощается с сном безотрадным,
С жизнью своей молодой.

Всё околдовано, всё онемело!

А в переулке глухом,
Снегом скрипя, пробирается смело
Рослый мужик с топором.

Грозен и зол его вид одичалый...

Он притаился и ждет:
Вот на пирушке ночной запоздалый
Мимо пройдет пешеход...

Он не на деньги блестящие жаден,
Не на богатство, – как зверь,
Голоден он и, как зверь, беспощаден...

Что ему люди теперь?
Он не послушает их увещаний,
Не побоится угроз...

Боже мой! Сколько незримых страданий!

Сколько невидимых слез!
Чудная ночь! Незаметно мерцает
Тусклый огонь фонарей;
Снег ослепительным блеском сияет,
Тысячью искрясь лучей;
Длинные улицы блещут огнями,
Молкнут, объятые сном;
Небо усыпано ярко звездами,
Светом облито кругом.

13 января 1856

К славянофилам

О чем шумите вы, квасные патриоты?
К чему ваш бедный труд и жалкие заботы?
Ведь ваши возгласы России не смутят.
И так ей дорого достался этот клад
Славянских доблестей... И, варварства остаток,
Над нею тяготит татарский отпечаток:
Невежеством, как тьмой, кругом обложена,
Рассвета пышного напрасно ждет она,
И бедные рабы в надежде доли новой
По-прежнему влачат тяжелые оковы...
Вам мало этого, хотите больше вы:
Чтоб снова у ворот ликующей Москвы
Явился белый царь, и грозный, и правдивый,
Могучий властелин, отец чадолюбивый...
А безглагольные любимцы перед ним,
Опричники, неслись по улицам пустым...
Чтоб в Думе поп воссел писать свои решения,
Чтоб чернокнижием звалось просвещение,
И, родины краса, боярин молодой
Дрался, бесчинствовал, кичился пред женой,
А в тереме царя, пред образом закона
Валяясь и кряхтя, лизал подножье трона.

25 января 1856

Деревенский вечер

Зимний воздух сжат дремотой...
В темной зале всё молчит;
За обычную работой
Няня старая сидит.
Вот зевнула, засыпает,
Что-то под нос бормоча...
И печально догорает
Одинокая свеча.

Подле няни на подушке
Позабывшее дитя
То глядит в лицо старушке,
Взором радостно блестя,
То, кудрявою головкой
Наклонившись над столом,
Боязливо и неловко
Озирается кругом.

Недалёко за стеною
И веселие, и смех,
Но – с задумчивой душою
Мальчик прячется от всех.
Не боится, как другие,
Этой мертвой тишины...
И глаза его большие

На окно обращены.

Ризой белою, пушистой
Ели йскрятся светло;
Блещет тканью серебристой
Льдом одетое стекло;
Сторона лесов далеких
Снегом вся занесена,
И глядит с небес высоких
Круглолицая луна.

А ребенок невеселый
К няне жметя и дрожит...
В зале маятник тяжелый
Утомительно стучит.
Няня спицами качает,
Что-то под нос бормоча...
И едва-едва мерцает
Нагоревшая свеча...

26 февраля 1856

Жизнь («Песня туманная, песня далекая...»)

К. П. Апухтиной

Песня туманная, песня далекая,
И бесконечная, и заунывная,
Доля печальная, жизнь одинокая,
Слез и страдания цепь непрерывная...

Грустным аккордом она начинается...
В звуках аккорда, простого и длинного.
Слышу я, вопль из души вырывается,
Вопль за утрату детства невинного.

Далее звуков раскаты широкие –
Юного сердца мечты благородные:
Вера, терпения чувства высокие,
Страсти живые, желанья свободные.

Что же находим мы? В чувствах – страдания,
В страсти – мученья залог бесконечного,
В людях – обман... А мечты и желания?
Боже мой! Много ли в них долговечного?

Старость подходит часами невольными,

Тише и тише аккорды печальные...
Ждем, чтоб над нами, в гробу безглагольными,
Звуки кругом раздались погребальные...

После... Но если и есть за могилою
Песни иные, живые, веселые,
Жаль нам допеть нашу песню унылую,
Трудно нам сбросить оковы тяжелые!..

29 февраля 1856

Шарманка

М. А. Апухтиной

Я иду через площадь... Звездами
Не усыпано небо впотьмах...
Только слякоть да грязь пред глазами,
А шарманки мотивы в ушах.

И откуда те звуки, не знаю,
Но, под них забываться любя,
Всё прошедшее я вспоминаю
И ребенком вновь вижу себя.

В долгий вечер, бывало, зимою
У рояли я сонный сажу.
Ты играешь, а я за тобою
Неотвязчивым взором слежу.

То исчезнут из глаз твои руки,
То по клавишам явятся вдруг,
И чудесные, стройные звуки
Так ласкают и нежат мой слух.

А потом я рукою нетвердой
Повторяю урок в тишине,
И приятней живого аккорда

Твой же голос слышится мне.

Вот он тише звучит и слабее,
Вот пропал он в пространстве пустом.
А шарманка всё громче, звучнее,
Всё болезненней поет кругом.

Вспоминаю я пору иную
И вот вижу: в столице, зимой,
И с колоннами залу большую,
И оркестр у подмосток большой.

Его речи, живой, музыкальной,
Так отрадно, мечтая, внимать,
То веселой, то томно-печальной,
И со мною твой образ опять.

И какие бы думе мятежной
Ни напомнил названья язык,
Всё мне слышится голос твой нежный
Всё мне видится ясный твой лик.

Может быть, и теперь пред роялью,
Как и прежде бывало, сидишь
И с спокойною, тихой печалью
На далекое поле глядишь.

Может быть, ты с невольной слезою
Вспоминаешь теперь обо мне?

И ты видишь: с постылой душою,
В незнакомой, чужой стороне

Я иду через площадь... Мечтами
Сердце полно о радостных днях...
Только слякоть да грязь пред глазами
И шарманки мотивы в ушах.

25 марта 1856

Апрельские мечты

О. П. Есиновой

Хотя рассыпчатый и с грязью пополам
Лежит пластами снег на улице сонливой,
Хотя и холодно бывает по утрам
И ветра слышатся стесненные порывы,

Но небо синее, прозрачное, без туч,
Но проникающей, крепительной струей
И свежий пар земли, но редкий солнца луч,
Сквозящий трепетно в час полдня над землею, –

Всё сладко шепчет мне: «На родине твоей
Уже давно весны повеяло дыханье,
Там груди дышится просторней и вольней,
Там ближе чувствуешь природы прозябанье,

Там отсыревшая и рыхлая земля
Уж черной полосой мелькает в синей дали...
Из сохнувших лесов чрез ровные поля
Потоки снежные давно перебежали.

И сад, где весело ребенком бегал ты,
Такой же прелестью былого детства веет:
В нем всё под сладостным дыханьем теплоты

Стремительно растет, цветет и зеленеет».

Апрель 1856

Санкт-Петербург

На Неве вечером

Плывем. Ни шороха. Ни звука. Тишина.
Нестройный шум толпы всё дальше замирает,
И зданий и дерев немая сторона
Из глаз тихонько ускользает.

Плывем. Уж заревом полнеба облегло;
Багровые струи сверкают перед нами;
Качаясь, скользит покорное весло
Над полусонными водами...

И сердце просится в неведомую даль,
В душе проносятся неясные мечтанья,
И радость томная, и светлая печаль,
И непонятные желанья.

И так мне хорошо, и так душа полна,
Что взор с смущением невольным замечает,
Как зданий и дерев другая сторона
Всё ближе, ближе подступает.

30 мая 1856

Дорогой

П. И. Чайковскому

Едешь, едешь в гору, в гору...

Солнце так и жжет.

Ни души! Навстречу взору

Только пыль встает.

Вон, мечты мои волнуя,

Будто столб вдали...

Но уж цифры не могу я

Различить в пыли.

И томит меня дремою,

Жарко в голове...

Точно, помнишь, мы с тобою

Едем по Неве.

Всё замолкло. Не колышет

Сонная волна...

Сердце жадно волей дышит.

Негой грудь полна,

И под мерное качанье

Блещущей ладьи

Мы молчим, тая дыханье

В сладком забытьи...

Но тряска моя телега,
И далек мой путь,
А до мирного ночлега
Не могу заснуть.

И опять всё в гору, в гору
Едешь, – и опять
Те ж поля являют взору
Ту ж пустую гладь.

15 июня 1856

Павлодар

Ожидание грозы

Н. Д. Карпову

Ночь близка... На небе черном
Серых туч ползет громада;
Всё молчит в лесу нагорном,
В глубине пустого сада.

Тьмой и сном объаты воды...
Душен воздух... Вечер длится...
В этом отдыхе природы
Что-то грозное таится.

Ночь настанет. Черной тучей
Пыль поднимется сильнее,
Липы с силою могучей
Зашатаются в аллее.

Дождь закапает над нами
И, собираясь понемногу,
Хлынет мутными ручьями
На пылящую дорогу.

Неба пасмурные своды
Ярким светом озарятся:
Забушуют эти воды,

Блеском неба загорятся,

И, пока с краев до края
Будут пламенем объаты,
Загудят, не умолкая,
Грома тяжкие раскаты.

16 июля 1856

«Еду я ночью. Темно и угрюмо...»

Еду я ночью. Темно и угрюмо
Стелется поле кругом.
Скучно! Дремлю я. Тяжелые думы
Кроются в сердце моем.

Вижу я чудные очи... Тоскою
Очи исполнены те,
Ласково манят куда-то с собою,
Ярко горят в темноте.

Но на приветливый зов не спешу я...
Мысль меня злая гнетет:
Вот я приеду; на небе, ликуя,
Красное солнце взойдет,

А незакатные чудные очи,
Полные сил и огня,
Станут тускнеть... И суровее ночи
Будут они для меня.

Сердце опять мне взволнуют страдания,
Трепет, смущение, страх;
Тихое слово любви и признанья
С воплем замрет на устах.

И, безотрадно чуя несчастье,
Поздно пойму я тогда,
Что не подметить мне искры участия
В этих очах никогда,

Что не напрасно ль в ночи безрассветной
Ехал я... в снах золотых,
Жаждал их взора, улыбки приветной,
Молча любясь на них?

7 августа 1856

Павлодар

Осенняя примета

Всюду грустная примета:
В серых тучах небеса,
Отцветающего лета
Равнодушная краса;
Утром холод, днем туманы,
Шум несносный желобов,
В час заката – блик багряный
Отшумевших облаков;

Ночью бури завыванье,
Иль под кровом тишины
Одинокие мечтанья,
Очарованные сны;
В поле ветер на просторе,
Крик ворон издалека,
Дома – скука, в сердце – горе,
Тайный холод и тоска.

Пору осени унылой
Сердце с трепетом зовет:
Вы мне близки, вы мне милы,
Дни осенних непогод;
Вечер сумрачный и длинный,
Мрак томительный ночей...
Увядай, мой сад пустынный,

Осыпайся поскорей.

16 августа 1856

Пловцы

Сотрудникам «Училищного вестника»

Друзья, неведомым путем
На бой с невежеством, со злом
И с торжествующею ленью
Мы плыли. Ночь была темна,
За тучи пряталась луна,
Гроза ревела в отдаленье.

И мы внимали ей вдали,
Дружнее прежнего гребли;
Уж берег виделся в тумане...
Но вихорь смял наш бедный челн,
И он помчался между волн,
Как падший витязь, жажда брани.

И под покровом той же тьмы
Нас мчал назад. Очнулись мы
На берегу своем печальном.
А берег милый, хоть чужой,
Как путеводною звездой
Сиял на горизонте дальнем.

И мы воспрянули душой...
И снова нас зовет на бой

Стремленье к истине свободной.
Так что ж! Пускай опять, друзья,
Помчит нас по морю ладья,
Горя отвагой благородной!

Знакомый путь не страшен нам:
Мы выйдем на берег, а там
Доспехи битв не нужны боле:
Там воля крепкая нужна,
Чтоб бросить чести семена
На невозделанное поле.

И верьте, нам не долго ждать:
Мы поплывем туда опять,
На берегу нас солнце встретит;
Придет желанная пора
И жатву пышную добра
Оно с любовью осветит.

3 октября 1856

Ночь

К ***

Замолкли, путаясь, пустые звуки дня,
Один я наконец, всё спит кругом меня;
Всё будто замерло... Но я не сплю: мне больно
За день, в бездействии утраченный невольно.
От лампы бледный свет, бродящий по стенам,
Враждебным кажется испуганным очам;
Часы так глухо бьют, и с каждым их ударом
Я чую новый миг, прожитый мною даром.
И в грезах пламенных меж призраков иных
Я вижу образ твой, создание дум моих;
Уж сердце чуткое бежит к нему пугливо...
Но он так холоден к печали молчаливой,
И так безрадостен, и так неуловим,
Что содрогаюсь я и трепещу пред ним...

Но утро близится... Тусклей огня мерцанье,
Тусклей в моей душе горят воспоминанья...
Хоть на мгновение обманчивый покой
Коснется вежд моих... А завтра, ангел мой,
Опять в часы труда, в часы дневного бденья
Ты мне предстанешь вдруг как грозное виденье.
Томясь, увижу я средь мелкой суеты
Осмеянную грусть, разбитые мечты

И чувство светлое, как небо в час рассвета,
Заглохшее впотьмах без слов и без ответа!..
И скучный день пройдет бесплодно... И опять
В мучительной тоске я буду ночи ждать,
Чтобы хоть язвами любви неутолимой
Я любоваться мог, один, никем не зримый...

20 октября 1856

Ответ анониму

О друг неведомый! Предмет моей мечты,
Мой светлый идеал в посланье безымянном
Так грубо очернить напрасно хочешь ты:
Я клеветам не верю странным.

А если ты и прав, – я чудный призрак мой,
Я ту любовь купил ценой таких страданий,
Что не отдам ее за мертвенный покой,
За жизнь без муки и желаний.

Так, ярким пламенем утешен и согрет,
Младенец самый страх и горе забывает,
И тянется к огню, и ловит беглый свет,
И крикам няни не внимает.

29 октября 1856

Божий мир

В. Н. Юферову

Как на божий мир, премудрый и прекрасный,
Я взгляну прилежней думой беспристрастной,

Точно будто тщетно плача и тоскуя,
У дороги пыльной в знойный день стою я...

Тянется дорога полосой длинной,
Тянется до моря... Всё на ней пустынно!

Нет кругом деревьев, лишь одни кривые
Высятся печально вежи верстовые.

И по той дороге вдаль неутомимо
Идут пешеходы мимо всё да мимо.

Что у них за лица? С невеселой думой
Смотрят исподлобья злобно и угрюмо, –

Те без рук, другие глухи, а иные
Идут спотыкаясь, точно как слепые.

Тесно им всем вместе, ни один не может
Своротить с дороги – всех перетревожит...

Разве что телега пробежит порою,
Бледных трупов ряд оставя за собою...

Мрут они... Телега бедняков сдавила –
Что ж! Не в первый раз ведь слабых давит сила.

И телеге тоже ведь не меньше горя:
Только поскорее добежит до моря...

И опять всё смолкнет... И всё мимо, мимо
Идут пешеходы вдаль неутомимо,

Идут без ночлега, идут в полдень знойный,
С пылью поднимая гул шагов нестройный.

Где ж конец дороги?
За верстой последней,
Омывая берег у скалы соседней,

Под лучами солнца, в блеске с небом споря,
Плещется и бьется золотое море.

Вод его не видя, шуму их не внемля,
Бедные ступают прямо как на землю, –

Воды, расступаясь, путников как братьев
Тихо принимают в мертвые объятия,

И они всё так же злобно и угрюмо
Исчезают в море без следа и шума.

Говорят, что в море, в этой бездне чудной,
Взыщется сторицей путь их многотрудный,

Что за каждый шаг их по дороге пыльной
Там вознагражденье пышно и обильно!

Говорят... А море в красоте небесной
Так же нам незримо, так же неизвестно,

А мы видим только вехи верстовые –
Прожитые даром годы молодые,

Да друг друга видим – пешеходов темных,
Тружеников вечных, странников бездомных,

.....

.....

Видим жизнь пустую, путь прямой и дальний,
Пыльную дорогу – божий мир печальный...

15 ноября 1856

После бала

Уж к утру близилось... Унынье превозмочь
На шумном празднике не мог я и тоскливо
Оставил скучный пир. Как день, сияла ночь.
Через Неву домой я ехал торопливо.

Всё было так мертво и тихо на реке.
Казались небеса спокойствием объяты;
Облитые луной, белели вдалеке
Угрюмые дворцы, заснувшие палаты.

И скрип моих саней один звучал кругом,
Но музыке иной внимал я слухом жадным:
То тихий стон ее в безмолвии ночном
Мне душу потрясал каким-то сном отрадным.

И чудилось мне: под тканью золотой,
При ярком говоре толпы немых видений,
В неведомой красе носились предо мной
Такие светлые, сияющие тени...

То вдруг какой-то страх и чувство пустоты
Сжимали грудь мою... Сменяя призрак ложный,
Другие чередой являлись мечты,
Другой носился бред, и странный и тревожный.

Пустыней белою тот пир казался мне, —
Тоска моя росла, росла, как стон разлуки...
И как-то жалобно дрожали в тишине
Напева бального отрывочные звуки.

4 января 1857

В альбом («В воспоминанье о поэте...»)

В воспоминанье о поэте
Мне для стихов листочки эти
Подарены в былые дни;
Но бредом юным и невинным
Доныне в тлении пустынном
Не наполняются они.

Так перед Вами в умиление
Я сердце, чуждое сомненья,
Навек доверчиво открыл;
Вы б только призраком участия
Могли исполнить бредом счастья
Его волнующийся пыл.

Вы не хотели... Грустно тлея,
Оно то билось слабее,
То, задрожав, пылало вновь...
О, переполните ж сторицей
И эти белые страницы,
И эту бедную любовь.

Зима 1857

Санкт-Петербург

«Напрасно в час печали непонятной...»

Напрасно в час печали непонятной
Я говорю порой,
Что разлюбил навек и безвозвратно
Несчастный призрак твой,
Что скоро всё пройдет, как сновиденье...
Но отчего ж пока
Меня томят и прежнее волнение,
И робость, и тоска?
Зачем везде, одной мечтой томимый,
Я слышу в шуме дня,
Как тот же он, живой, неотразимый,
Преследует меня?
Настанет ночь. Едва в мечтаньях странных
Начну я засыпать,
Над миром грез и образов туманных
Он носится опять.
Проснусь ли я, припомню ль сон мятежный,
Он тут – глаза блестят;
Таким огнем, такую лаской нежной
Горит могучий взгляд...
Он шепчет мне: «Забудь твои сомненья!»
Я слышу звуки слов...
И весь дрожу, и снова все мученья

Переносить готов.

18 марта 1857

22 марта 1857 года

Н. И. М...ву

О Боже мой! Зачем средь шума и движенья,
Среди толпы веселой и живой
Я вдруг почувствовал невольное смущенье,
Исполнился внезапною тоской?
При звуках музыки, под звуки жизни шумной,
При возгласах ликующих друзей
Картины грустные любви моей безумной
Предстали мне полнее и живей.
Я бодро вновь терплю, что в страсти безнадежной
Уж выстрадал, чего уж больше нет,
Я снова лепечу слова молитвы нежной,
Я слышу вопль – и слышу смех в ответ.
Я вижу в темноте сверкающие очи,
Я чувствую, как снова жгут они...
Я вижу все в слезах проплаканные ночи,
Все в праздности утраченные дни!
И в будущее я смотрю мечтой несмелой...
Как страшно мне, как всё печально в нем!
Вот пир окончится... и в зале опустелой
Потухнет свет... И ночь пройдет. Потом,
Смеясь, разъедутся, как в праздники, бывало,
Товарищи досугов годовых, –
Останется у всех в душе о нас так мало,

Забудется так много у иных...
Но я... забуду ли прожитые печали,
То, что уж мной оплакано давно?
Нет, в сердце любящем, как в этой полной зале,
Всё станет вновь и пусто и темно.
И этих тайных слез, и этой горькой муки,
И этой страшной мертвой пустоты
Не заглушат вовек ни шумной жизни звуки,
Ни юных лет веселые мечты.

22 марта 1857

«О, удались навек, тяжелый дух сомненья...»

О, удались навек, тяжелый дух сомненья,
О, не тревожь меня печалью старины,
Когда так пламенно природы обновленье
И так свежительно дыхание весны;
Когда так радостно над душными стенами,
Над снегом тающим, над пестрою толпой
Сверкают небеса горячими лучами,
Пророчат ласточки свободу и покой;
Когда во мне самом, тоски моей сильнее,
Теснят ее гурьбой веселые мечты,
Когда я чувствую, дрожа и пламенея,
Присутствие во всем знакомой красоты;
Когда мои глаза, объятые дремотой.
Навстречу тянутся к мелькнувшему лучу...
Когда мне хочется прижать к груди кого-то,
Когда не знаю я, кого обнять хочу;
Когда весь этот мир любви и наслажденья
С природой заодно так молод и хорош...
О, удались навек, тяжелый дух сомненья,
Печалью старою мне сердца не тревожь!

20 апреля 1857

«Опять я очнулся с природой!..»

Опять я очнулся с природой!
И кажется, вновь надо мной
Всё радостно грезит свободой,
Всё веет и дышит весной.

Опять в безотчетном томленьи,
Усталый, предавшись труду,
Я дней без труда и волненья
С каким-то волнением жду.

И слышу, как жизнь молодая
Желания будит в крови,
Как сердце дрожит, изнывая
Тоской беспредметной любви...

Опять эти звуки былого,
И счастья ребяческий бред...
И всё, что понятно без слова,
И всё, чему имени нет.

15 мая 1857

Подражание древним («В грезах сладострастных видел я тебя...»)

В грезах сладострастных видел я тебя,
Грез таких не знал я никогда, любя.
Мне во сне казалось: к морю я пришел –
Полдень был так зноен, воздух так тяжел!
На скале горячей в ярком свете дня
Ты одна стояла и звала меня.
Но, тебя увидя, я не чуял ног
И, прикован взором, двинуться не мог.
Волосы, сверкая блеском золотым,
Падали кудрями по плечам твоим;
Голова горела, солнцем облита,
Поцелуя ждали сжатые уста.
Тайные желанья, силясь ускользнуть,
Тяжко колебали поднятую грудь,
Белые одежды, легки как туман,
Слабо закрывали твой цветущий стан,
Так что я под ними каждый страсти пыл,
Каждый жизни трепет трепетно ловил...
И я ждал, смятенный: миг еще, и вот –
Эта ткань, сорвавшись, в волны упадет...
Но волненьем страшным был я пробужден.
Медленно и грустно уходил мой сон.
К ложу приникая, я не мог вздохнуть,

Тщетные желанья колебали грудь,
Слезы, вырываясь с ропотом глухим,
Падали ручьями по щекам моим,
И, всю ночь рыдая, я молил богов:
Не тебя хотел я, а таких же снов!..

2 июня 1857

Миценск

Русские песни

Как сроднились вы со мною,
Песни родины моей,
Как внемлю я вам порою,
Если вечером с полей
Вы доносите, живые,
И в безмолвии ночном
Мне созвучья дорогие
Долго слышатся потом.

Не могучий дар свободы,
Не монахи-мудрецы –
Создавали вас невзгоды
Да безвестные певцы.
Но в тяжелые годы
Весь народ, до траты сил,
Весь – певец своей кручины –
Вас в крови своей носил.

И как много в этих звуках
Непонятого слилось!
Что за удаль в самых муках,
Сколько в смехе тайных слез!
Вечным рабством бедной девы,
Вечной бедностью мужей
Дышат грустные напевы

Недосказанных речей...

Что за речи, за герои!
То – Бог весть какой поры –
Молодецкие разбои,
Богатырские пиры,
То Москва, татарин злобный,
Володимир, князь святой...
То, журчанью вод подобный,
Плач княгини молодой.

Годы идут чередою...
Песни нашей старины
Тем же рабством и тоскою,
Той же жалобой полны,
А подчас всё так же вольно
Славят солнышко-царя,
Да свой Киев богомольный,
Да Илью-богатыря.

1 июля 1857

Павлодар

Первая любовь

О, помнишь ли, давно – еще детьми мы были –
На шумном вечере мы встретились с тобой.
Но этот шум и блеск нас нехотя томили,
Мы вышли на балкон. Мы мало говорили,
Нас ночь объяла вдруг отрадной тишиной.

Сквозь стекла виделось нам бледных свеч мерцанье,
Из комнат слышался нестройный гул речей,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.